

Новосибирский государственный университет экономики и управления
ул. Ломоносова, 56, Новосибирск, 630099, Россия
E-mail: irina-lapova@yandex.ru

МАРГИНАЛЬНОСТЬ КАК ФОРМА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ УРБАНИЗИРОВАННОГО ЧЕЛОВЕКА

На современном этапе процесса урбанизации традиционные ценности заменяются временными и мультикультурными образцами. Нивелирование стабильной социокультурной основы приводит к исчезновению духовных и поведенческих ориентиров, необходимых для успешного самоопределения индивида. Обозначив три основных условия успешной самоидентификации человека (причастность к социальности, наличие структуры, осмысленность жизни), автор анализирует их статус в урбанизированном мире. Сопоставлены модели самоопределения в традиционной культуре и современной городской, определяемой ориентацией на мобильность и плюралистичность.

Ключевые слова: урбанизация, маргинальность, городская культура, самоопределение, самоидентификация, маргинал, маргинальный человек, город, традиционное общество, городской образ жизни, мегалополис.

Город, являя собой наиболее сложное социальное и культурное пространство, еще со времен Античной Греции стал рассматриваться как явление передовое, уникальное и задающее содержательно новый цивилизационный формат. На протяжении всей истории Европы мы можем наблюдать формирование особого рода социокультурного феномена – специфической городской ментальности и культуры, генерирующей отличные от традиционной культуры ценности и установки, а также формирующей качественно новый тип человека – «городского». Особенно с конца XIX в. развитие промышленного производства, принципиально новый технический уровень, пространственная концентрация населения, новых структур и образцов городской культуры, интеграция и дифференциация ее элементов приводят к урбанизации – к такому росту значимости городов, а также появлению настолько сложных городских образований, что формируются качественно новый тип отношений, образ жизни, культура людей.

Ставший универсальным, процесс урбанизации формирует не только новый тип расселения, но и в значительной степени качественно изменяющийся мир, характерными чертами которого явились: субъектная персонализация (в результате чего – рост атомарности общества), возникновение но-

вых форм социальных отношений, смена (вплоть до нивелирования) идеологием – общественных и политических, исчезновение единого ценностно-смыслового поля, плюралистичность искусственной среды обитания человека¹. В связи с многообразными качественными и беспрецедентно скорыми изменениями в мире в целом, границы и формы социокультурной среды, в которой вынужден самоопределяться индивид, не всегда четко обозначены. Однако, по нашему мнению, именно новые форма и качество современного города, ставшего в результате процесса урбанизации социокультурным пространством доминирующей массы человечества, становятся основной причиной растущего кризиса самоидентификации личности – и, как следствие, – маргинализации человека.

Как верно заметил М. Кастелльс, «...мы движемся к почти совершенно урбанизованному миру, который будет составлять от двух третьих до трех четвертых всего населения к середине XXI века» [Castells, 2002. P. 367] Слова известного ученого подтверждает тот факт, что если за первую половину XX в. городское население увеличилось на 0,5 млрд чел., то уже к концу первого тысячелетия – почти на 2 млрд чел. На сегодняшний день приблизительно две трети горожан проживает в больших городах с населением

¹ Подробный анализ процесса урбанизации см. в: [Castells, 2002].

100 тыс. жителей и более. Свыше трети городского населения планеты приходится на города-миллионеры. В развитых странах в агломерированных городских образованиях проживает около 70 % горожан. «Мегагорода» численностью больше 10 млн человек становятся не просто «меккой» новых возможностей, но полноправными акторами в мировой системе [Sassen, 2006. P. 15–112].

Являясь подчиненным звеном в масштабах государственной системы, город отныне становится центром потребления, переработки и трансляции информации, которая, будучи генерирована городским пространством, являет собой новый – «городской образ жизни». Какой же путь уготован современному человеку в складывающейся урбанистической реальности? – вопрос, на который мы попытаемся ответить.

Для того чтобы более точно определить специфику современной городской культуры, с которой имеет дело современный человек, стоит провести ее сравнение с совершенно полярными ей традиционными принципами организации деревенской жизни. Выработываемые на протяжении долгого времени формы деревенской жизни обеспечивали человека стабильностью и гарантией сохранности за счет эффективности сложившихся механизмов существования.

В условиях значительной замкнутости и небольших размеров сельской общины у человека, находившегося под влиянием общественного мнения и взаимной ответственности, формировалась базовая ориентация на следование сложившимся образцам поведения, на сохранение изначально фиксированного места каждого члена общины в сложившейся социальной структуре. Таким образом, складывался совершенно особый тип сознания, характерный для культуры сельского типа. Человек в таких условиях проявлял низкую социальную и культурную мобильность, руководствуясь, прежде всего, традициями и обычаями, а также следовал интересам семьи и общины. Логика поведения сельчанина определяется ориентацией на коллективное, а не на индивидуальное сознание. Процесс самоопределения человека был заранее жестко предопределен. «Вы рождались уже как член семьи и расовой группы. Всю вашу жизнь вы проживали в той деревне, в которой родились. Ваша религия давалась вам вашими родителями и местным сообществом и редко вызывала

сомнение в течение вашей жизни» [Тоффлер, 1986. С. 78].

Урбанистический тип культуры, который складывается при всем многообразии новых социокультурных феноменов индустриальной, а позже и постиндустриальной эпох, формирует иное содержание коллективного (и, соответственно, индивидуального) сознания. В более сложном и дифференцированном городском пространстве становится невозможным воспроизведение традиционных стереотипов поведения, публичное регламентированное мнение утрачивает свою общепризнанную авторитетность. На смену им приходит формальное, закрепленное общественными гарантиями и институтами, право. Постепенно у человека расширяется круг ценностных ориентиров, жизненных сценариев. Кульминационным моментом становится появление у горожанина свободы выбора, что влечет за собой появление личной ответственности за принятое и реализованное решение, а следовательно, и индивидуализацию человеческого существования. Данную тенденцию очень хорошо описал Г. Зиммель: «Маленький город как древности, так и средних веков клал личности пределы, – ее передвижению и внешним сношениям, ее самостоятельности и внутренней дифференциации, – пределы, в которых современный человек задохнулся бы...» [Зиммель, 2000. С. 30].

Постепенно именно свобода как необходимость самостоятельного автономного принятия решений в условиях урбанизма как городского образа жизни ставит современного человека перед многочисленным рядом вызовов, формирующих качественно иную среду самоопределения. На сегодняшний день многие исследователи неустанно повторяют мысль о кризисе становления личности в современном мире. З. Бауман объясняет данную тенденцию кризисом социальности в индивидуализированном современном западном обществе [Бауман, 2005. С. 176–193]. Однако нам представляется, что Э. Тоффлер предлагает более глубокий подход, связанный с необходимостью формирования чувства идентичности [Тоффлер, 2004. С. 215].

Здесь нам следует определить, что будет пониматься под самоопределением личности. Необходимо отметить, как минимум, два наиболее распространенных понимания феномена личности: личность как призна-

ние уникального, отличного в индивидууме, и личность как мера социальности. Не отрицая адекватности первого подхода и, возможно, более качественного подхода к определению сущности феномена личности, стоит, однако, отметить, что в контексте городской культуры социальный аспект личности играет одну из главных ролей в процессе ее идентификации. Более того, именно понимание личности как формирующейся в социокультурной среде сущности дает нам возможность выявить причины кризиса самоидентификации человека в современных городах. Можно предположить, что для успешного самоопределения личности в окружающей ее социокультурной реальности принципиально важно удовлетворение трех ключевых человеческих потребностей: чувства общности, структуры и осмысления жизни.

По мнению социолога С. Холла, «формирование идентичности – это, в большей степени, не поиск первопричины, а вопрос использования исторических, языковых и культурных ресурсов в процессе становления (becoming), нежели бытия (being): не “кто мы” или “откуда мы родом”, а какими мы должны стать, как мы воспринимаем и как нам себя представлять» [Hall, 1996. P. 4]. Далее, С. Холл утверждает, что, «хотя формирование идентичности связано с нарративизацией, она скорее выражает иллюзорную (fantasy) модель, нежели устойчивый и неизменный стержень внутри личности, раскрывающий свою природу от начала и до конца...» [Ibid.]. Это значит, что в случае с формированием идентичности как пути личностного самоопределения мы имеем дело с искусственно созданными в городском пространстве социокультурными условиями. Однако, на наш взгляд, такие качественно новые требования, как повышение степени социальной, культурной и экономической мобильности населения, ослабление традиционных общественных и семейных форм отношений, разрушение утвержденных в обществе регламентаций и возникновение множественных поведенческих ориентиров и т. д., предъявляемые современному человеку складывающейся урбанистической реальностью, подвергают сомнению наиболее фундаментальные категории традиционно сложившихся и единственно возможных условий для самоидентификации личности. Мы рассмотрим такие

условия, как 1) *чувство общности*, 2) *чувство структуры*, 3) специфическое *осмысление жизни*.

Чувство общности. В своем эссе «Человеческая ситуация – ключ к гуманистическому психоанализу» Э. Фромм выделяет любовь, как «страсть, которая удовлетворяет потребность человека в его единстве с миром и в обретении при этом чувства целостности и индивидуальности...» [Фромм, 2005. С. 23]. Любовь, о которой рассуждает автор, представляет собой сложный сплав переживания чувства солидарности и причастности частного к общему, личности – к обществу, человека – к человеку. А именно современный город и явился местом человеческой отчужденности, аномии, острых расовых и национальных конфликтов, насилия.

В современном городском мире с его непостоянством, временностью, скоротечностью вещей и событий от человека требуется способность своевременно и адекватно реагировать на многообразные изменения обновляющегося городского пространства. Мобильность как отсутствие постоянства, готовность, а в информационную эру – чаще потребность, воспринимать новые сведения – становится главным критерием выживания и успешного существования современного горожанина. В атмосфере, когда информация возведена в ранг неоспоримой ценности, объем и интенсивность общения, возможность частой перемены контактов, временность жизненных идеалов и планов становятся частью образа жизни. Революционно новое содержание урбанистической реальности формирует мобильную личность – готовую к перемене социальной группы, собственных интересов, пространственной локализации и т. п., что делает нормой массовую подвижность населения. Ориентация мобильного человека направлена на потенциальные блага завтрашнего и обесценивание существующих прошлого и настоящего. Как точно заметил Бауман: «В мире, где будущее исполнено опасностей, любой неиспользованный шанс немедленно оказывается упущенным; и отказ воспользоваться им непростителен... Поскольку обязательства нынешнего дня стоят на пути возможностей завтрашнего, то чем они легче и поверхностней, тем меньше потенциальный ущерб» [Бауман, 2005. С. 197]. В главе под названием «Как терять друзей» в книге Э. Тоффлера

«Шок будущего» отмечается, что именно успешно реализовавшиеся в обществе люди, а не представители более традиционных профессий и образа жизни, проявляют мобильность в мире прагматичных и функциональных отношений [Тоффлер, 2003. С. 135].

Так, революционными темпами и бескомпромиссными формами происходит преломление качественного и количественного характера человеческих отношений. При слишком интенсивной физической и социальной стимуляции, свойственной городской модели, по мнению Милграма, приспособленческая реакция происходит за счет уменьшения числа и интенсивности социальных контактов. Это, в свою очередь, приводит к возникновению существующей на сегодняшней день реальности: общение становится все более поверхностным, человек проявляет большую избирательность при выборе партнеров, он менее отзывчив и предпочитает соблюдать позицию невмешательства, визуальный контакт между посторонними людьми сводится к нулю [Васюта, 2000. С. 45]. Однако, с другой стороны, мы вынуждены согласиться с замечанием Г. Зиммеля, что «если бы внешним сношениям с бесчисленным множеством людей должно было бы соответствовать большое количество внутренних реакций, характеризующих отношения в маленьком городе, душевное состояние человека было бы прямо невозможным» [Зиммель, 2000. С. 26]. Более того, в условиях высокой мобильности и приоритета немедленного удовлетворения потребностей долгосрочная ментальность, базирующаяся на совместном планировании людей, сменяется краткосрочной, менее стабильной ее формой. На смену близким дружеским отношениям приходят более поверхностные приятельские контакты, основанные на сходстве взглядов, жизненных ориентиров. Подобный подход к построению отношений делает совершенно нормальным отношение к постороннему человеку, как к носителю определенной функции, роли, но не как к отдельной независимой человеческой истории.

Нужно сказать, что и в рамках семьи категория *любви* утрачивает свое ключевое и интегративное значение. Она становится не более чем приятной приправой для всего разнообразия новых форм семейственности. Испокон веков семья несла в себе функцию

формирования базовых моделей поведения в обществе, ценностных ориентиров и морали индивида. В тесном и прочном круге семьи у человека формировались представления о взаимопомощи, сострадании, доверии, справедливости. Классическая семья представляла собой многоступенчатую систему отношений: помимо родителей и их детей в ее состав входили также и другие члены – старшие родители, дяди, тетки, двоюродные братья и сестры. Однако именно эта грузность и немобильность становятся причиной распада традиционного семейного института. В силу ориентации человека на реализацию в профессии, на карьере независимо от географической локализации и пр. расширенная модель семьи постепенно сбрасывает «лишний вес», обретая новую типичную на сегодняшний день форму – нуклеарной семьи.

Для качественно нового типа людей прогнозы Тоффлера о разнообразии брачных траекторий, выборе жизненных схем становятся нашей реальностью. Мы становимся свидетелями того, как бездетные, серийные, гражданские браки, пенсионеры, воспитывающие детей, коммуны, гомосексуальные союзы постепенно завоевывают себе признание общественных норм и морали [Тоффлер, 2003. С. 266–285]. «В применении к семейной жизни принцип «Ничего долгосрочного!» означает: «Продолжайте двигаться! Не привязывайтесь ни к чему и не жертвуйте ничем!», – отмечает Р. Сеннет [2004. С. 20]. Так, более эмоциональная, альтруистическая модель долгосрочных отношений подменяется качественно иной – прагматично-утилитарной, удобной, кратковременной.

Чувство структуры. На вопрос «Что может направлять людей, отрезанных от дома, пытающихся создать новый жизненный нарратив?» Ричард Сеннет дает вполне убедительный ответ: «прорубание» карьеры как дороги – противоядие от личностной неудачи [Там же. С. 233]. Однако в условиях урбанистической культуры с ее установкой на успешную карьеру мобильность как способность выживать и гибко реагировать при смене обстоятельств, рост и обновление набора специализаций – становятся причиной невозможности существования в городе «стержневых» профессий – дороги, позволяющей личности реализовать все свои выработанные на протяжении образовательно-

го и профессионального опыта потенциалы. При прежней системе общественного труда, когда индивид занимал фиксированную взаимными обязательствами позицию, человек находился в устойчивой структуре отношений, организационном каркасе, основанном на долгосрочном сотрудничестве.

Вырабатывая условия сосуществования, стороны проникались убежденностью в устойчивости режима, а следовательно, получали уверенность в сегодняшнем дне и возможность ожиданий, планов на будущее. Однако в современной нестабильной, «рыхлой» обстановке, где невозможно соблюдение заранее обозначенных гарантий, исчезает заинтересованность в принятии на себя ответственности и долгосрочных взаимных обязательств. Складывающиеся новые формы организации труда базируются все на том же принципе мобильности, краткосрочности, немедленного реагирования и изменения. По мнению Р. Сеннета, именно ориентация на непривязанность и неукорененность изменяет традиционную модель трудовой этики. Управленческая деятельность выстраивается по принципу открытых горизонтальных сетевых структур, заменяющих наличие института шефства, а значит, и персональной ответственности, на более гибкую форму «делегирования» полномочий, «командного принятия решений» и т. п. Временность рабочего места обеспечивается «реинжинирингом», обновлением компьютерного оснащения и т. д. «Возможно, «коррозия характера» – это неизбежное следствие этой нестабильности. Девиз «Ничего долгосрочного!» дезориентирует действия, рассчитанные на длительный период, ослабляет связи доверия и причастности и отлучает волю от поведения» [Сеннет, 2004. С. 32]. Более того, сама возможность самореализации личности посредством поиска и раскрытия собственных потенций и талантов существенно усложняется, если не сказать исчезает, в ситуации, когда за норму принимается обновление навыков и умений, скорее, чем не накопывание опыта и знаний. Изменчивая и гибкая сеть становится новым типом структуры².

Осмысление жизни. Как мы уже упоминали ранее, существование человека в общинной структуре не вызывало особых проблем с процессом идентификации, поскольку этот процесс проходил через осознание принадлежности к семье, роду, коллективу. Однако с приходом промышленной революции, дифференциацией общественных структур ситуация в корне изменяется. Период научно-технической революции, индустриализации, результатом которой стало появление промышленности, явился причиной формирования феномена «массовой культуры» – унифицированного стандартного набора культурных образцов вещи, деятельности, духовности и т. д. Урбанистическая культура с ее тяготением к универсализации, упрощению, индивидуализации традиционных форм, несомненно, являет миру новую идеологическую установку культуры масс: «выход в люди», «будь как все». Однако уже следующий ее более сложный, ускоренный, зрелый этап порождает динамичный, мозаичный, плюралистичный мир города, становится тофлеровской Третьей волной, характеризующейся разнообразием новых культур. На смену набору общепринятых исторически сложившихся ценностей-истин приходит постоянно меняющийся «сменный набор» ценностей. Так, родовая, сословная и классовая принадлежности вытесняются наличием многообразия субкультур, стилей жизни.

Таким образом, в современном городском мире, где главными ценностями признаны свобода выбора, мобильность и высокая степень адаптации к новым условиям, человек оказывается неспособным выстраивать внутреннюю долгосрочную систему ценностей и жизненных установок. На сегодняшний день урбанистическая реальность представляется слишком плюралистичной и фрагментарной, чтобы удовлетворить необходимые для самоидентификации личности потребности. Как утверждает Р. Сеннет, «только определенный тип человека способен преуспеть в нестабильной и фрагментарной среде» [Сеннет, 2006. Р. 3]. В условиях же, когда объективная реальность представляет собой быстро обновляющуюся основу со множеством эталонных групп, субкультур, ценностно-этических систем, отсутствием обозримых субъектов ответственности, противоречивость структуры, по мнению социолога Т. Шибу-

² Подробный анализ структурной трансформации труда см. в: [Сеннет, 2005. С. 122–193; Sennett, 2006. Р. 83–131].

тани, является закономерным источником маргинальности [Шибутани, 1969. С. 467–469]. Маргинальность в таком случае можно охарактеризовать, как состояние амбивалентности, бытия на грани в силу отсутствия морального стержня, иерархической системы ценностей, утраты социокультурной укорененности в обществе. Находясь по обе стороны рубежа, маргинал в то же время не присутствует ни на одной из сторон. Нестабильность, неопределенность и отсутствие контроля над событиями вызывают у маргинала чувство тревоги, отчего он все больше склонен к упрощению реальности, возвращению к более примитивным и предсказуемым ее формам. Маргинализированный индивид склонен видеть в действительности желаемое, тяготеть к культуре, приукрашивающей действительность, опираться на сугубо частное ощущение свободы, что подтверждает реальность господства «одномерного» («счастливого», но слепого) сознания, по Г. Маркузе. Такой человек очень легко ведом, уязвим и удобен формирующейся новой социальной реальности.

Список литературы

Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.

Васюта Г. Г. Социально-психологические проблемы жизни в современном городе // Крупные города на пороге XXI века: проблемы, перспективы. Волгоград: Волг ГАСА, 2000. Ч. 1. С. 34–47.

Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. М.: Высшая школа экономики, 2000. № 3–4. С. 23–30.

Сеннет Р. Коррозия характера. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2004. 296 с.

Тоффлер Э. Раса, власть и культура // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 77–81.

Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 781 с.

Тоффлер Э. Шок будущего. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 557 с.

Фромм Э. Человеческая ситуация – ключ к гуманистическому психоанализу / Фромм Э. Искусство любить. СПб.: Азбука-классика, 2005. С. 11–69.

Шибутани Т. Социальная психология. М.: Прогресс, 1969. 535 с.

Castells M. The Castells Reader on Cities and Social Theory. Oxford: Blackwell Publishers, 2002. 432 p.

Hall St. Who Needs «Identity»? // Questions of Cultural Identity / Eds. St. Hall, Paul Du Gay. Los Angeles; L.; New Delhi; Singapore: SAGE Publications, 1996. P. 1–17.

Sassen S. Cities in a World Economy: 3rd ed. Thousand Oaks; L.; New Delhi: Pine Forge Press, 2006. 269 p.

Sennett R. The Culture of New Capitalism. New Haven; L.: Yale Univ. Press, 2006. 214 p.

Материал поступил в редколлегию 10.11.2008

I. Y. Lapova

MARGINALITY AS A WAY OF SELF-IDENTIFICATION OF URBAN HUMAN

As a result of urbanization process, forming of new types of urban settings, traditional values are being transformed to temporary, multicultural forms. Disappearing of stable socio-cultural basis leads to the absence of spiritual and behavioral orientations that influence identification process of individual. Beginning from the pointing of three conditions for successful socio-cultural identification of any individual (sense of community, sense of structure, comprehension of life), the author analyses it in urbanized reality. There is the comparing of identification process in traditional forms and in city innovative culture.

Keywords: urbanization, marginalization, urban culture, self-identification, marginal, marginal man, city.